

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ДЕСТРУКТИВНОМУ ИНФОРМАЦИОННОМУ ВОЗДЕЙСТВИЮ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Т.В. Сафонова, К.А. Плисова

Явление деструктивного информационного воздействия (ДИВ) обретает все большую популярность в качестве одного из инструментов влияния на общественное сознание. Феномен существования ДИВ в современном мире — ожидаемый результат непрерывного и стремительного развития информатизации и цифровизации.

Проблематика правового противодействия данному явлению стала одним из приоритетных тем обсуждения на тематических встречах и конференциях, организуемых по инициативе государств-участников Содружества Независимых Государств.

В данном исследовании был произведен сравнительно-правовой анализ законодательства Российской Федерации и Республики Казахстан как одних из стратегических партнеров Республики Беларусь со схожими государственными программами и социально-экономическими целями.

Цель работы — всестороннее исследование явления деструктивного информационного воздействия, комплексный сравнительно-правовой анализ законодательства Республики Беларусь и зарубежных стран в области организационно-правового противодействия деструктивному информационному воздействию, разработка предложений по совершенствованию законодательства в рассматриваемой области.

Тематика исследования соответствует приоритетным направлениям научной, научно-технической и инновационной деятельности Республики Беларусь на 2026–2030 годы, утвержденным Указом Президента Республики Беларусь от 1 апреля 2025 года. В процессе исследования анализировались законодательство Республики Беларусь и зарубежных стран, правоприменительная практика в области противодействия деструктивному информационному воздействию, информационные правовые ресурсы сети Интернет, в том числе иностранные.

Методологической основой послужили общенаучные методы анализа и синтеза, сравнения и конкретизации, а также специальные методы исследования — структурно-правовой, сравнительно-правовой, формально-юридический.

В соответствии с п. 8 Концепции информационной безопасности Республики Беларусь, деструктивное информационное воздействие — осуществление информационного влияния на политические и социально-экономические процессы, деятельность государственных органов, а также на физических и юридических лиц в целях ослабления обороноспособности

государства, нарушения общественной безопасности, принятия и заключения заведомо невыгодных решений и международных договоров, ухудшения отношений с другими государствами, создания социально-политической напряженности, формирования угрозы возникновения чрезвычайных ситуаций, разрушения традиционных духовных и нравственных ценностей, создания препятствий для нормальной деятельности государственных органов, причинения иного ущерба национальной безопасности [1].

Деструктивное информационное воздействие — это информационное влияние деструктивного характера, оказывающее негативное и дестабилизирующее воздействие на психику индивида, обстановку в обществе и/или положение государства на международной арене в целом [2].

Объектами деструктивного информационного воздействия могут быть когнитивная сфера (индивидуальное и массовое сознание), личность и ее репутация; общественное мнение; традиционные ценности и ориентиры; различные социальные группы, политические институты и институты гражданского общества, критическая информационная инфраструктура, государственное управление, судебная власть и правоохранительная система, историческая память, национальная культура, финансовый сектор и др.

Особый интерес при осуществлении деструктивного информационного влияния представляют пользователи сети Интернет, в том числе несовершеннолетние и молодежь. Риск успешного осуществления ДИВ в отношении подрастающего поколения увеличивается в разы, что зачастую может привести к печальным тенденциям вовлечения несовершеннолетних в противоправное поведение.

Деструктивное воздействие на объект осуществляется через разнообразные каналы — пути, способы, средства распространения деструктивного информационного контента, используемые для нанесения ущерба объектам воздействия.

Каналами распространения деструктивного контента могут выступать телевидение и радиоканалы, печатные и электронные СМИ, цифровые платформы и Интернет-среда (социальные сети, мессенджеры, видеохостинги, ботнет-сети и фейковые аккаунты, фишинговые сайты и сайты-клоны), агенты влияния (инфлюенсеры), закрытые клубы с целью воздействия на элиты через неформальное общение, компромат, иные коммуникационные каналы (рассылки через электронную почту, игровые платформы (Roblox, Minecraft, Discord и др.), физические и гибридные каналы (газеты, листовки и др.)).

Наиболее эффективными каналами распространения деструктивной информации являются социальные сети (ВКонтакте, Instagram, Facebook, TikTok и др) и мессенджеры (Telegram, Viber и др.), видеохостинг YouTube, выполняющий функции социальной сети (комментарии, стримы, организация сообществ и др.), а также Интернет-сайты и форумы, анонимные сети (Tor, I2P и др.).

Цифровая среда в Российской Федерации динамично меняется. Одни Интернет-платформы запрещены, другие работают в ограниченном режиме или сталкиваются с частичной блокировкой функций. Так, например, с 2022 года Meta Platforms признана экстремистской. Доступ к Facebook, Instagram, Treads, а также TikTok ограничен на уровне операторов связи. Telegram и YouTube не запрещен в России, однако наблюдается замедление работы ресурса и загрузки медиа. ВКонтакте, Одноклассники, Rutube, Дзен, МАХ работают без ограничений.

Указанные инструменты и технологии использовались в период протестных событий августа 2020 года в Республике Беларусь и января 2022 года в Республике Казахстан, когда объемы деструктивной и ложной информации о социально-экономическом положении стран и требований смены действующей власти достигали запредельных показателей. Единое у данных политических событий — выделяемые учеными-правоведами и политологами характерные черты так называемых «цветных революций». Сам термин «цветной революции» подразумевает под собой инструмент политической борьбы, основанной на методике *soft power* (от англ. — «мягкая сила», ненасильственное сопротивление) внутри атакуемой страны, с активным использованием различных информационно-коммуникативных каналов для распространения дезинформации и координирования действий различных групп населения, граждан, вооруженных группировок и избранного «лидера» протестующих, преследующих цель замены действующей власти лояльными западному миру правительством [3; 4].

Несмотря на то, что попытки воплощения данного сценария провалились как в Республике Беларусь, так и в Республике Казахстан, Российской Федерации, потоки деструктивной информации не были остановлены, и работа по проведению различных организационно-правовых мероприятий в сфере информационной безопасности государств продолжается и по сей день.

Методы дестабилизации общества в период проведения электоральной кампании не существенно отличаются от тех, что недружественные государства стараются применять в попытке проведения «цветной революции» — это уже известные нам различные фейки, вбросы и манипулятивные заголовки «желтой» прессы. Однако последние новшества в сфере создания и распространения дезинформации — попытки внедрения в эти процессы технологий ИИ, в частности дипфейков (англ. *deepfake* от *deep learning* «глубинное обучение» и *fake* «подделка»).

Дипфейк, как методика генерации видео- и фотоматериала и/или аудиодорожки с использованием инструментария ИИ, стал одной из наиболее реальных угроз для национальной безопасности государств-участников СНГ. Как отмечают ученые-правоведы, в руках недобросовестных лиц эта технология способна нанести существенный вред имиджу страны и авторитету государственной власти, например, при распространении

сгенерированных видеоматериалов с фальсифицированными заявлениями глав государств или других высокопоставленных лиц, что вероятнее всего вызовет общественный резонанс, проявление паники, агрессивного недовольства и др. Можно себе представить, каков урон может быть нанесен государству и государственной власти при непринятии своевременных мер противодействия данному явлению в период электоральной кампании.

Несмотря на различность объектов влияния, цель у деструктивного воздействия является единой — урон информационной и национальной безопасности государства и его имиджу на международной арене.

В связи со стремительно изменяющейся геополитической ситуацией в мире и постоянно совершенствующимися информационными и цифровыми технологиями инструменты осуществления ДИВ стали обыденной составляющей при любом политическом противоборстве в границах информационного поля. Как следствие, информация в современном обществе обрела статус одного из важнейших резервов любого рода международного конфликта, отчего в настоящее время наблюдается процесс содержательного слияния информационного и военного направлений национальной политики безопасности государств.

Деструктивное информационное влияние является одним из способов ведения «информационных войн» в составе так называемых «гибридных войн». Основная цель гибридных войн — полный или частичный контроль за территорией (частью территории) враждебного государства, достигнутый благодаря проведению информационно-психологических операций в сочетании с мощным экономическим давлением и применением при необходимости вооруженных сил и специальных подразделений [5]. Гибридные войны сегодня являются основной стратегией ведения боевых действий, направленных против государства-противника, и сочетают в себе различные ресурсы экономической, информационной и политических сфер.

Термин «информационная война» в свою очередь уже давно и активно используется в военном и научном сообществах и представляет собой открытое и острое столкновение между государствами, в котором сопротивление противника подавляется применением средств опасного воздействия на его информационную сферу. Так, основным методом ведения информационной войны можно определить осуществление государством различного рода атак на информационное поле государства-противника и, как следствие, его ослабление.

Информационное противоборство заключается в информационном воздействии на определенный объект с целью деформации его качественного состояния. Сообразно с вышесказанным, основные действия со стороны государства-противника, осуществляющего ДИВ, направлены в первую очередь на подрыв моральных ценностей общества и дестабилизацию психологической устойчивости населения к навязанной идеологии.

Современные государства в условиях геополитического противоборства прибегают к методам гибридных войн, однако все чаще в военно-научной сфере встречается термин «когнитивная война». Особое значение гибридным и когнитивным войнам придают США и НАТО.

Термин «когнитивная война» трактуется зарубежными экспертами как нетрадиционная форма ведения войны, использующая кибернетические инструменты для изменения когнитивных способностей противника; умственные предубеждения, провоцирующие искажение мышления, а также влияющие на принятие решений как на индивидуальном, так и на коллективном уровне [6]. Главной задачей когнитивной войны является нанесение поражения без ведения прямого боя, а именно изменение образа мысли внутри общества государства-противника и его представлений о реальности.

Конституционное обеспечение должного противодействия деструктивному информационному воздействию в Беларуси, Казахстане и России обладает рядом общих свойств, ведь данные конституционные нормы непосредственно связаны с фундаментальными информационными и цифровыми правами человека и гражданина: право граждан на получение, хранение и распространение информации (ст. 34 — Беларусь, ст. 29 — Россия, ст. 20 — Казахстан); свобода мнений, убеждений и их свободное выражение (ст. 33 — Беларусь, ст. 29 — Россия, ст. 20 — Казахстан); право на неприкосновенность личной жизни (ст. 28 — Беларусь, ст. 23 — Россия, ст. 18 — Казахстан); право на тайну переписки телефонных переговоров, почтовых и иных сообщений (ст. 28 — Беларусь, ст. 23 — Россия, ст. 18 — Казахстан).

Все вышеприведенные нормы составляют конституционную базу национального законодательства в сфере регулирования информационной среды в Республике Беларусь, Российской Федерации и Республике Казахстан.

В ходе референдума 2022 года в Конституцию Республики Беларусь были внесены поправки в 15, 28, 32, 54 статьи, выражающие позицию белорусского народа в отношении деструктивной идеологии со стороны Запада и обеспечивающие информационную безопасность личности:

- обязанность государства обеспечивать сохранность исторической правды и памяти о годах Великой Отечественной войны (ст. 15);
- статус брака как союза между мужчиной и женщиной (ст. 32);
- обязанность родителей и лиц, их заменяющих, воспитывать ребенка в соответствии с историческими и национальными традициями Беларуси (ст. 32);
- обязанность государства способствовать духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию молодежи (ст. 32-1);
- проявление патриотизма, сохранение исторической памяти и бережное отношение к историко-культурному и духовному наследию страны как долг белорусского гражданина (ст. 54).

Наиболее приоритетными направлениями защиты от ДИВ в нашем государстве являются нормы, закрепляющие традиционное понятие брака и семьи, патриотическое и духовное воспитание населения, в частности молодежи, приоритет сохранения исторической памяти страны и обеспечение духовной преемственности поколений.

Далее обратимся к отдельным нормативным правовым актам, составляющим в соответствии с конституционными нормами законодательную базу противодействия ДИВ и действующим в различных направлениях обеспечения информационной безопасности общества.

Так, Закон Республики Беларусь «Об информации, информатизации и защите информации» закрепляет основную терминологию, а также обозначает основные принципы государственного регулирования и управления в области информационного пространства. Закон Республики Беларусь «О средствах массовой информации» регулирует деятельность различных СМИ, порядок их государственной регистрации и определяет виды информации, запрещенной для распространения. Законы Республики Беларусь «О противодействии экстремизму», «О недопущении реабилитации нацизма» закрепляют основополагающие принципы борьбы государства с данными негативными явлениями. Закон Республики Беларусь «О геноциде белорусского народа», принятый в целях сохранения памяти о советских гражданах, ставших жертвами в годы Великой Отечественной войны. Закон Республики Беларусь «О правах ребенка» также закрепляет нормы защиты несовершеннолетнего от деструктивного контента, распространяемого посредством различных информационных ресурсов.

Что касается Российской Федерации, то за последние несколько лет проводимая ею государственная информационная политика, а также политика в области информатизации, цифровизации и информационной безопасности сталкивалась с вызовами со стороны недружественных стран, применявших различные информационные ресурсы с целью вмешательства во внутренние дела страны. Как отмечается в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, «усиливающаяся нестабильность в мире, рост радикальных и экстремистских настроений могут привести к попыткам разрешить нарастающие межгосударственные противоречия за счет поиска внутренних и внешних врагов, к разрушению экономики, традиционных ценностей и игнорированию основных прав и свобод человека». Потому для России в настоящий момент приоритетными направлениями развития являются сплочение российского общества, укрепление гражданского самосознания, защита традиционных духовно-нравственных ценностей и воспитание подрастающего поколения в соответствии с патриотическим чувством российской нации.

С учетом геополитической ситуации в мире и нынешнего положения Российской Федерации на международной арене в связи с проведением Специальной военной операции перед государством стоят новые задачи

по обеспечению надлежащей информационной безопасности и защиты информационного пространства страны от посягательств со стороны третьих сторон.

Приоритетным направлением в Российской Федерации сегодня является сохранение традиционных духовно-нравственных ценностей и воспитание подобных ценностей у молодого поколения. Вследствие этого обеспечение защиты информационного сегмента России от деструктивного контента — одна из важнейших задач нынешней государственной политики страны.

Как отмечено в Концепции информационной безопасности детей в Российской Федерации, принятой в апреле 2023 года, уже на тот момент из 30,2 млн несовершеннолетних граждан 27 млн являются активными пользователями информационно-телекоммуникативной сети Интернет, что в процентном отношении составляет 89,4%. Соответственно, именно подростки и молодежь в конечном итоге оказываются вовлечены в деструктивные и противоправные течения, сведения о которых зачастую распространяются посредством различных информационных каналов сети Интернет. Таким образом, для комплексного регулирования вопросов обеспечения защиты детей от пагубного информационного воздействия в Российской Федерации был принят Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», в котором обозначены основные правовые меры противодействия ДИВ в отношении несовершеннолетних.

В Российской Федерации с 2013 года была введена административная ответственность за распространение среди несовершеннолетних информации, содержащей пропаганду нетрадиционных ценностей. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях дополнен статьей 6.21 «Пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений, смены пола, отказа от деторождения». С 2022 года данная административная норма применима к лицу, пропагандирующему подобного рода информацию среди граждан любых возрастов (ст. 6.21 КоАП РФ). В Республике Беларусь также планируется введение административной ответственности за пропаганду нетрадиционных ценностей в ближайшее время.

Государственная информационная политика в сфере защиты традиционных и духовно-нравственных ценностей должна быть единой в рамках Союзного государства России и Беларуси, основная цель которой — недопущение утраты традиционных и нравственных ценностей и ориентиров [7, с. 87].

Интересна разница подходов к регулированию информационных потоков в Республике Беларусь и Российской Федерации, где в первом случае существует отлаженный механизм с точечной блокировкой отдельных веб-страниц и аккаунтов различных социальных сетей и мессенджеров, в то время как в России заметна тенденция полного ограничения доступа к ресурсу деструктивной информации в целом (блокировка Instagram, Facebook (признание их материнской организацией Meta экстремистской), Discord, X, Viber).

Конечно, нельзя отрицать эффективность данных мер, однако в случае с полной блокировкой доступа к различным социальным платформам и сетям возникает закономерный вопрос о соразмерности данных мер с объемами причинения вреда, а также новая проблема — регулирования использования технологий VPN (англ. *virtual private network* — «виртуальная частная сеть») для обхода данных блокировок.

Анализируя деятельность органов власти и правоохранительных органов следует упомянуть и некоторую проблематику касаясь их ведомственной разобщенности при противодействии ДИВ. В настоящее время ни в Республике Беларусь, ни в Российской Федерации, ни в Республике Казахстан, несмотря на применяемый комплекс мер по борьбе с деструктивной информацией, нет единого органа, отвечающего за координацию и планирование ресурсов и действий, сопряженных с мониторингом информационно-коммуникационного пространства и противодействия подрывных операций в нем.

Однако подобные функции выполняются в лице различных ведомств: Министерством информации Республики Беларусь, Оперативно-аналитическим центром при Президенте Республики Беларусь, Министерством информации и коммуникаций Республики Казахстан, Министерством искусственного интеллекта и цифрового развития Республики Казахстан, Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации (Минцифры России), Роскомнадзором, Советами Безопасности данных государств и т.д. Однако это никак не отрицает отсутствие координации в их взаимодействии и присущие им специфику осуществления их деятельности, что также вносит разлад в единство их действий.

Сравнительно-правовой анализ законодательств Республики Беларусь, Российской Федерации и Республики Казахстан показал единство государственных курсов в области ограничения деструктивной информации в международном и локальном информационных пространствах. Такое сплочение, очевидно, обусловлено исторической общностью и общностью социально-экономических целей данных государств и, как итог, мы способны проследить единство стратегических подходов и правовых баз в области противодействия деструктивной информации: соблюдение фундаментальных информационных и цифровых прав и свобод человека, их конституционное закрепление; схожий понятийный аппарат и содержание законодательных актов, регулирующих информационную сферу; многоуровневый подход к регулированию информации и противодействию деструктивной информации; международное сотрудничество в области информационного противоборства и сопряженная с ним совместная выработка программ мероприятий, направленных на противодействие ДИВ; единый ценностно-идеологический вектор с акцентом на воспитание молодежи в духе традиционных народных ценностей и привитие им важности исторической преемственности.

Однако, несмотря на усилия, прилагаемые странами-участницами СНГ, существует ряд взаимосвязанных и комплексных проблем при осуществлении

организационно-правового противодействия ДИВ, требующих дальнейшего изучения и своевременной корректировки законодательства.

Это в первую очередь естественное отставание законодателей от быстро изменяющихся тенденций в области цифровизации и использования искусственного интеллекта. Отсюда же вытекает и проблематика баланса интересов государства и личности в процессе разработки и принятия нормативных правовых актов в области ограничения информации, порождающая дискуссии о соразмерности применяемых мер реагирования с объемами причиняемого вреда, а также возникающая необходимость регулирования применения новых технологий обхода блокировок источников с деструктивной информацией.

Таким образом, в результате исследования и анализа актуальных проблем ограничения потоков деструктивной информации, можно сформулировать некоторые пути их решения с организационно-правовой точки зрения:

1) в связи с растущими потоками пропагандистской информации разумно предположить, что действующим способом наравне с ограничением доступа к этой информации будет осуществление прочной в аргументации контрпропаганды с задействованными представителями государственных аккредитованных СМИ, а также органов власти и правоохранительных структур. Здесь работает комплекс организационно-просветительских мероприятий, включающий дальнейшую разработку документальных/обучающих фильмов и презентаций об информационной гигиене и безопасности в сети Интернет для различных возрастных групп (в том числе введение курса «Цифровая гигиена» в школьную программу в качестве факультативных занятий и привлечением действующих специалистов в области информационной безопасности), создание отдельного сектора информационно-пропагандистских групп, специализирующегося именно на противодействии ДИВ в государственных структурах, корректировка идеологических «методичек» с учетом «новомодных» тенденций в создании деструктивного контента (ИИ, дипфейки), создание методического пособия по противодействию ДИВ для служащих государственных органов (возможно на основании данного исследования);

2) систематизация законодательства в области противодействия деструктивной информации, принятие Закона «О противодействии деструктивному информационному воздействию» с выработкой категоризации степени вреда, получаемого от воздействия данной информации, например: информация низкого, умеренного, высокого и очень высокого уровня опасности;

3) совершенствование международного сотрудничества с целью оперативного обмена аналитической информацией и выработки мероприятий по противодействию ДИВ. Например, создание Комитета по противодействию деструктивному информационному воздействию при Парламентской Ассамблеи ОДКБ, обладающего специализированными функциями по выявлению

и ограничению деструктивной информации, представляющей национальную опасность для государств-участников ОДКБ; организация и проведение совместных учений по реагированию на информационные угрозы (в том числе в рамках ведения гибридных и когнитивных войн).

Список использованных источников:

1. О Концепции информационной безопасности Республики Беларусь: постановление Совета Безопасности Республики Беларусь 18 марта 2019 г. № 1 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 02.03.2026).

2. Плисова, К.А. Понятие и основные направления деструктивного информационного воздействия и пути правового противодействия / К.А. Плисова; науч. рук. Т.В. Сафонова. — Текст: электронный // Репозиторий ВГУ имени П.М. Машерова. — URL: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/35307> (дата обращения: 05.09.2025). — Электрон. версия ст. из: XVI Машеровские чтения: материалы междунар. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, Витебск, 21 окт. 2022 г.: в 2 т. / Вит. гос. ун-т; редкол.: Е.Я. Аршанский (гл. ред.) [и др.]. — Витебск, 2022. — Т. 2. — С. 300–301.

3. Плисова, К.А. Организационно-правовые аспекты противодействия суицидальным проявлениям среди несовершеннолетних / К.А. Плисова, науч. рук. Т.В. Сафонова // V Междунар. науч.-практ. конф. молодых исследователей «Вектор 3.0» — V International scientific and practical conference of young researcher “vector 3.0”: материалы V Междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 17 апр. 2025 г.: электронное научное издание / Витебский филиал Международного университета «МИТСО»; редкол.: И.В. Николаева (гл. ред.) [и др.]. — С. 173–177.

4. Войсковой, Д.А. Цветные революции как инструмент продвижения западных геополитических интересов / Д.А. Войсковой // Актуальные проблемы взаимодействия политики и права: вызовы и тенденции: материалы круглого стола кафедры политологии юридического факультета Белорусского государственного университета, Минск, 28 марта 2024 года. — Минск: Белорусский государственный университет, 2024. — С. 44–49 // eLIBRARY.RU: научная электронная библиотека. — М., 2000–2025. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=65678269> (дата обращения: 06.09.2025).

5. Марченко, Г.В. Защита личного состава силовых структур от негативного информационно-психологического воздействия деструктивных сил: историко-правовой аспект / Г.В. Марченко // Вестник Санкт-Петербургского военного института национальной гвардии. — 2021. — № 2(15). — С. 77–87 // eLIBRARY.RU: научная электронная библиотека. — М., 2000–2025. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46348174> (дата обращения: 09.09.2025).

6. Cognitive Warfare: The Future of Cognitive Dominance: First Nato Scientific meeting on Cognitive Warfare: collection of scientific articles / Scientific Editors: B. Claverie, B. Prébot, N. Buchler [and oth.]. — Bordeaux: NATO-STO Collaboration Support Office, 2021. — 118 p. — URL: <https://innovationhub-act.org/wp-content/uploads/2023/12/Cognitive-Warfare-Symposium-ENSC-March-2022-Publication.pdf> (date of access: 09.09.2025).

7. Сафонова, Т.В. Конституционно-правовые и идеологические основы государственной информационной политики в сфере защиты духовно-нравственных и традиционных ценностей в Республике Беларусь и Российской Федерации / Т.В. Сафонова // Актуальные проблемы государства и права: сравнительно-методологический аспект: монография / Э.Г. Аниськина, В.А. Барышев, П.В. Борботько [и др.]. — Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2024. — С. 79–87.